

УДК 94
ББК 63.3

ЭТНИЧЕСКОЕ МНОГООБРАЗИЕ В ГЕНЕЗИСЕ РОССИИ КАК ГОСУДАРСТВА-ЦИВИЛИЗАЦИИ

Ethnic Diversity in the Genesis of Russia as a State-Civilization

*Е. А. Ерохина (E. Erokhina)*¹

¹кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института философии и права СО РАН (Ph.D of Philosophy, Senior Scientist at the Philosophy and Law Institute of SB of the RAS). E-mail: leroh@mail.ru.

Статья посвящена роли этнического многообразия как исторической и геополитической детерминанты становления российской цивилизации и российского государства. Очерчен днепровский сектор Восточно-Европейской равнины как первоначальное ядро формирования древнерусской государственности, общей для России и Украины, дана характеристика восточнославянского типа расселения и управления, конституируется связь между способом культурно-хозяйственного освоения пространства и процессами этногенеза.

Ключевые слова: этническое многообразие, Россия, цивилизация, государство, генезис, геополитика.

The article explores the role of ethnic diversity in the genesis of the Russian civilization. It also notes that the process of the civilization's formation was accompanied by defining the borders of other civilizations. West borders were forming under the influence of economic factors which made Russia a center of world capitalistic superstructure in Western Europe. Southern borders became a center of powerful military and political force made up of Muslim Turkish and Persian civilizations. However, the possibility of expansion to the northeast remained open. The expansion of Slavic people beyond the East European Plain contributed to the formation of Russian ethnicity being separated from the Old-Russian ethnos in the post-Mongol period. By exploring natural, climatic and landscape zones which geographically differed from the East European Plain, the Russian people absorbed previously existing forms of inter-ethnic integration beyond historical center of ethno genesis including social body of Finn and Ugric ethnic groups of forest and taiga zones, Turkic and Mongol people of steppe, circumpolar people of tundra. Northeast Eurasia becomes a geopolitical niche of Russian ethnos and other ethnicities of subcontinental macroregion while southeast becomes a mental region of the Russian civilization. The economic specialization of each of the designated ethnic groups like agriculturists (Eastern Slavic people), farmers (Turkic and Mongol nomadic people as well as Northern ethnic groups) and hunters (Finn and Ugric ethnic groups) aggravated the need of stable interethnic interactions formation. Common history of wars and migration and the need of mutual efforts coordination with the aim to ensure safe development of the communities made it possible to establish common social institutions, including the state as the most influential in the political sense.

Keywords: ethnic diversity, Russia, civilization, the State, genesis, geopolitics.

В современных научных исследованиях роль этнического многообразия в развитии отдельных обществ остается актуальной в теоретическом и практическом отношении проблемой. С разнообразными эффектами влияния данного фактора на социокультурную трансформацию сталкивается в той или иной мере любое общество. Это в полной мере относится к России как полиэтничному обществу и многонациональной цивилизации, что обуславливает необходимость рефлексии исторического опыта и оценки перспектив ее развития.

Принимая во внимание взаимосвязь институциональных структур социальной организации российского социума и сетевых механизмов этнической самоорганизации народов российской цивилизации, следует учесть специфическое качество генезиса России как страны, а именно — ее становление в качестве отдельного общества с системой институтов, включая государство, и в качестве цивилизации в совокупности образующих ее этносов.

Определение России как страны, т. е. в географических терминах, является необходимым элементом геополитического проектирования, без которого трудно представить макроисторическое исследование. В этой связи важной предпосылкой дальнейшей работы оказывается обращение к цивилизационной компаративистике, в том числе и к историческим аспектам сравнительного исследования цивилизаций.

Существует множество точек зрения на природу, генезис, хронологические этапы становления российской цивилизации. Однако, поскольку охватить все существенные черты российской цивилизации в одном исследовании невозможно, в качестве приоритета была избрана ориентация на существующую модель этнического многообразия с объединяющим русским ядром. Поэтому, разделяя позицию историка В. В. Трепавлова, автора концепта «российская многонациональная цивилизация», постулируем ряд существенных положений, которые определяют и данное исследование [Трепавлов 2003: 5–20]. Во-первых, полиэтничный характер российской цивилизации, корни генезиса которой восходят к Древней Руси. Межэтнический синтез народов древнерусского государства осуществлялся на основе тесного взаимодействия восточнославянских и финно-угорских народов с вкраплениями других этнических компонентов.

Во-вторых, фиксация в качестве нижней хронологической границы существования российской многонациональной цивилизации конца XV в., когда началось широкое и планомерное присоединение к Московскому царству народов и территорий вне пределов Восточно-Европейской равнины. В этот период формируются основания для последующего синтеза народов кочевой цивилизации тюрко-монгольского мира с этносами, входившими в структуру древнерусских государств (восточными славянами и финно-уграми), составлявшими окраину христианской цивилизации средневековья.

Отталкиваясь от геоисторических факторов как основания геополитической динамики, имеет смысл обратиться к анализу исторических и географических детерминант генезиса России как государства-цивилизации, опираясь на традицию использования концептов «геополитическое пространство» (П. Видаль де ля Блаш) или «месторазвитие» (П. Н. Савицкий) [Vidal de La Blache 1889; Савицкий 1995; Моро-Дефарж 1996]. Наиболее отвечающей задачам такого анализа представляется концепция внутренней геополитики, предложенная М. В. Ильиным. Центральным элементом этой концепции является понятие пространственной конфигурации политической системы.

Истоки ее формирования М. В. Ильин связывает с восточнославянскими традициями расселения (моделью локализации населения) и управления (типом организации власти). Обозревая широтные просторы природных зон Евразии, он выделяет срединную между лесом и степью лесостепную полосу, которая четко делится на сегменты речных бассейнов, расчленяющих ее на горизонтальные и вертикальные последовательности малых и больших пространств. Каждое из них почти ничем не отличается от соседних, но в совокупности они дают необычайное разнообразие ландшафтов.

Еще более пристальный взгляд позволил автору концепции обратить внимание на точечные «оазисы» благоприятных для жизни малых месторазвитий вблизи озер, излучин или слияний рек. На этом фоне выделяется днепровский сектор лесостепи, который уже с VI–VII вв. стал перекрестьем вертикальной днепровской речной магистрали и горизонтально протяженной природно-климатической зоны лесостепи. Этот сектор стал, по мнению М. В. Ильина, куль-

турным очагом и центром консолидации политической общности восточных славян [Ильин 1998].

М. В. Ильин обосновывает свое понимание киевского региона в качестве очага древнерусской культуры ссылаясь на данные археологических и топонимических исследований, предпринятых Б. А. Рыбаковым и О. Н. Трубачевым. Освоение новых урочищ, сначала более, потом менее благоприятных, шло по принципу перевернутой Т-образной перекладины на пересечении лесостепной полосы и реки. Воспроизведение этой конструкции на дальних окраинах свидетельствует, по мнению М. В. Ильина со ссылкой на О. Н. Трубачева, о значении Киева как источника социокультурной радиации: «...именно приднепровский Киев двинулся в путь и пришел в незапамятные времена в Псковскую и Новгородскую земли, в Верхнее Поволжье, чтобы раствориться там добрым десятком малых — неизвестных и “неперспективных” “киевов”» [Трубачев 2005: 48].

Миграционную тактику продвижения восточных славян по территории М. В. Ильин характеризует как «островную» или очаговую: переселенцы занимали неосвоенные балтами и финно-уграми, по преимуществу рыболовами, охотниками и собирателями, «оазисы» у рек и озер, осваивая волокы [Ильин 1998]. Таким образом, еще до начала формирования политий на территории будущей России определился полиэтничный характер населения страны. Несмотря на то, что восточные славяне селились вперемешку с автохтонами, те и другие жили «особе».

По мнению М. В. Ильина, природа внутренней геополитики России связана своим происхождением с двумя структурными механизмами управления, один из которых имел полисное содержание, тогда как другой — деспотическое. Полисный механизм порожден племенной тактикой медленного просачивания восточных славян в пространства лесостепной Евразии. Создание все новых обитаемых «островов» у речных урочищ завершилось образованием племенных «архипелагов», связанных друг с другом сетью не только экономических, но и политических контактов. Возникали союзы племен, а там, где были благоприятные условия, появлялись города, служащие убежищем в условиях войны, а в условиях мира — центрами торговли, административного

и политического влияния. Деспотический же механизм появляется как результат «собириания» «разбежавшихся» в процессе земледельческой экспансии «островов» «вышедшей из себя Руси». Обратное завоевание земель опиралось на экс-политарную дружину великого князя, его войско, которое выступало не только военной, но и политической, дисциплинирующей по отношению к отдельным племенам, силой.

Баланс этих двух начал в политической истории России обусловлен, по мнению М. В. Ильина, «островным» типом восточнославянской колонизации земель, что задавало продуцирование новых ее очагов, а также многовекторный (в пространственном отношении) характер ее развития. Это позволило восточным славянам довольно быстро распространиться по всей территории Восточно-Европейской равнины.

Важно подчеркнуть привлекательность лесостепной зоны для восточнославянской колонизации в концепции М. В. Ильина. В описываемый им древнерусский период, к которому относятся начальные этапы формирования государственности восточнославянских народов, подсечно-огневая хозяйственная практика этих лесных земледельцев была связана с освоением лесной и лесостепной широтных зон Восточной Европы. Подсечно-огневая практика требовала время от времени менять место поселения, что многое объясняет в причинах земледельческой экспансии восточных славян.

Для объяснения же характера связи между населением и пространством Древней Руси М. В. Ильин прибегает к понятию месторазвития. Этот термин был предложен П. Н. Савицким в 1920-х гг. Данным понятием евразийцы обозначали тесную связь между историей какого-либо народа и географической средой его обитания.

«Что же такое есть “месторазвитие”? ... Взаимное приспособление живых существ друг к другу... в тесной связи с внешними географическими условиями создает... свой порядок, свою гармонию, свою устойчивость... Такое широкое общежитие живых существ, взаимно приспособленных друг к другу и к окружающей среде и ее к себе приспособивших, понимается нами под выдвигаемой в этих строках категорией “месторазвития”» [Савицкий 1995: 223].

«Месторазвитие» и его синонимы — «ландшафт» и «географический индивидуум» — в теории П. Н. Савицкого служат для

обозначения связи между людьми, насельниками территории с их историей и культурой, и средой их обитания, включающей минеральные и почвенные ресурсы, растительное и животное царства, природно-климатическую и естественно-географическую специфику.

«...Можно привести целую бездну примеров, которые показали бы всю бесплодность обобщения данных исторического опыта, если не принимать во внимание географических начал, игнорировать принцип порайонности и вообще обусловленности социально-исторических явлений той совокупностью обстоятельств, которую охватываем понятием “месторазвития...” Необходимо умение сразу смотреть на социально-историческую среду и на занятую ею территорию» [Савицкий 1995: 223]. В приведенных из сочинения Савицкого отрывках можно найти положения, без которых не обходится ни одна современная геополитическая теория:

1) о необходимости учета приспособления людей к среде обитания, внешним географическим условиям, задающим устойчивый природно-биологический цикл или ритм их жизни в длительной временной перспективе;

2) о возможности из соединения географии с историей научно обоснованным способом выводить не только особенности культурно-хозяйственных и бытовых ориентаций, но и специфику политического устройства.

При этом в один ландшафт нередко оказываются помещены народы, далеко не родственные по своему этническому происхождению. Это сближает взгляды П. Н. Савицкого с идеями, высказанными П. Видалем де ла Блашем о культурном единстве Франции независимо от этнической принадлежности населения ее регионов. Конституируя культурную и политическую общность народов на основании признака принадлежности к одному месторазвитию, даже если в иных отношениях (расовом, этническом, лингвистическом, конфессиональном) они могут быть далеки друг от друга, оба исследователя, П. Н. Савицкий применительно к России, а П. Видале де ла Блаш — по отношению к Франции, приходят к выводу о том, что обитаемый ландшафт, или месторазвитие, есть пространство культурной интеграции населения, даже если оно этнически разнородно.

В евразийстве тезис о месторазвитии обосновывал специфику российского мира как отдельного и от судьбы стран Запада (Европы), и от народов юга и востока (Азии). Народы этого мира, восточные славяне, а также тюрки и угро-финны, населявшие с ними общее «месторазвитие», представляют собой многонародную нацию евразийцев, объединяющую разноязычные этносы в единое государство, Россию [Трубецкой 1993: 95]. Эта идея евразийца Н. Трубецкого открывает возможность немеханистического, органицистского, «соборного» (в духе евразийских интерпретаций) подхода к решению проблемы культурной гетерогенности обществ, переживающих переход к модерну. В то же время трудно не заметить отождествления России с Евразией, что делает проблематичным само ее существование как самобытного геополитического субъекта, автономного по отношению к огромному цивилизационному пространству.

Сопоставление позиций П. Н. Савицкого и М. В. Ильина по проблеме месторазвития дает возможность нового прочтения российской геополитики. Оба исследователя сходятся в признании ее отличности от подобных систем в Европе. Рассматривая геополитическую систему России как преемственную по отношению к традициям расселения и управления, принятым у восточных славян, и общую с Украиной, М. В. Ильин проводит различие между древнерусскими и постмонгольскими геополитическими стереотипами восточных славян. По его мнению, определяющими в этой трансформации оказались раскол некогда единого в своих геополитических ориентациях на Киев восточнославянского этнического массива и неоднозначность новых ориентиров восстановления единства. Часть земель сделала выбор в пользу Великого княжества Литовского («запада»), войдя в его состав в качестве периферийных областей, тогда как другая часть — в пользу Великого княжества Московского («востока»), от которого современная Россия восприняла свою государственность [Ильин 1998].

Характеризуя лесостепное месторазвитие восточных славян в древнерусскую эпоху в бассейне Днепра, М. В. Ильин использует прилагательное «срединное» в понимании его промежуточности между двумя широтными зонами: леса и степи. И хотя

никакого специального концептуального наполнения в словах «срединное» и «месторазвитие» у М. В. Ильина не содержится, осведомленного читателя их употребление отсылает к наследию П. Н. Савицкого.

Существенным моментом последующих теоретических реконструкций является конституирующая связь между способом культурно-хозяйственного освоения пространства и процессами этногенеза. В связи с этим на память приходит концепция еще одного нашего современника, позиционировавшего себя как евразийца. Речь идет о Л. Н. Гумилеве. Если абстрагироваться от метафизических оснований теории этнической пассионарности, предложенной им для объяснения процессов этногенеза, и обратиться к идее о связи населения с обитаемым ландшафтом, то некоторые аргументы Л. Н. Гумилева относительно «молодости» русских по сравнению с их более «зрелыми» соседями (например, европейцами или китайцами), предстанут не лишены смысла. Л. Н. Гумилев проводит прямую корреляцию между сменой этнического стереотипа адаптации к ландшафту и изменением этнического самосознания и в связи с этим настаивает на этногенетическом родстве, но нетождественности древних русичей и современных русских [Гумилев 2002].

В самом деле, обращает на себя внимание то обстоятельство, что в древнерусский период восточные славяне осваивали преимущественно лес и лесостепь. Земли за пределами этих природно-климатических зон восточных славян не интересовали. Все меняется в постмонгольский период, когда восточные славяне, будущие русские, выходят за пределы исторического месторазвития широтных зон леса и лесостепи Восточной Европы. С этого момента начинается новый, российский этап их геополитического существования, связанный с освоением иных зон за ее пределами, в том числе степных (южных) и тундровых (северных) поясов. На наш взгляд, этот этап связан со становлением нового геополитического субъекта, России, и новой, российской цивилизации, выделившейся из христианской средневековой цивилизации, периферией которой оставались Киевская Русь и русские княжества периода феодальной раздробленности вплоть до падения Византии и начала эпохи Великих географических открытий.

В этом свете Россия предстает как самобытная в цивилизационном отношении страна, чьи геополитические традиции восходят к «очаговому» типу расселения восточных славян в IX–XII в. Из этой этнической среды в позднемонгольскую эпоху выделяется русский этнический компонент, в практиках которого сохраняется указанный тип расселения, экстенсивный по преимуществу. В этот период русские, выделившись из состава древнерусской народности, начинают освоение зон, выходящих за пределы традиционной среды обитания на Восточно-Европейской равнине.

Расселяясь за пределы широтных зон леса и лесостепи Восточной Европы, русские делили пространство с финно-угорскими и тюрко-монгольскими этносами. Восточная Европа и Северная Азия стали пространством, общим для развития всех этих народов. С учетом этого обстоятельства внутренняя геополитика России должна исходить из признания многонациональности страны.

В традициях организации управления пространством и населением, по мнению М. В. Ильина, сосуществовали, взаимодействуя, две доминанты. Конфигурация политической системы представляет собой единство двух начал: полисного и деспотического. Их сочетание обусловлено структурой указанной конфигурации, которая характеризуется ориентацией на поддержание «очагов», соединенных между собой неразвитой инфраструктурой коммуникаций. При этом если в развитии «очагов» востребованы полисные, т. е. демократические начала самоорганизации, то для поддержания системы коммуникаций необходимы элементы централизации, которая при определенных условиях тяготеет к авторитаризму [Ильин 1998].

По мере выхода славянского ядра за пределы Восточно-Европейской равнины формируется русский этнос, выделившийся из состава древнерусского этноса в позднемонгольский период. Осваивая природно-климатические и ландшафтные зоны, отличные в географическом отношении от лесостепи Восточно-Европейской равнины, русские апробируют сложившиеся ранее формы межэтнической интеграции за пределами исторического ядра этногенеза, обтекая и просачивая социальное тело финно-угорских народов лесной и таежной

зоны, тюрко-монгольских народов степи, циркумполярных народов тундры. Северо-Восточная Евразия становится геополитической нишей русского этноса, которую он делит с другими народами этого субконтинентального макрорегиона, а северо-восток становится ментальной меткой российской цивилизации.

Хозяйственная специализация каждой из этнокультурных групп как земледельцев (восточные славяне), скотоводов (тюрки и монголы) и охотников (финно-угры) усиливала потребность в формировании устойчивых межэтнических взаимодействий. Общая история войн и миграций, потребность в координации совместных усилий, направленных на обеспечение безопасного развития сообществ, связанных своим этногенезом с Внутренней Евразией, способствовали формированию предпосылок для становления общих социальных институтов, в том числе государства как самого влиятельного политического инструмента социальной организации.

В качестве внешней предпосылки формирования российской многонациональной цивилизации следует считать кризис и последующий распад христианской цивилизации средневековой Европы. Проявлениями этого стали следующие процессы: 1) становление капиталистической мир-системы; 2) формирование мировоззренческой квинтэссенции капитализма в виде протестантской этики. Падение Византийской империи под натиском турок-осман и ликвидация восточного полюса христианской цивилизации Средневековья обусловили необходимость выбора новых идей-

ных, понимаемых в эпоху позднего средневековья как исключительно религиозных, ориентиров. После ликвидации ордынского владычества Россия оказалась перед необходимостью выбора развития. Русский Запад тяготел к Польше и, через нее, к еще более дальнему Западу. С падением значения Великого княжества Литовского и прилегающих к нему периферий, киевские, смоленские, брянские земли становились далекой периферией Речи Посполитой. Русский же Восток сделал свой выбор в пользу идеологической версии Третьего Рима. Этим выбором было предопределено формирование русского централизованного государства, объединенного идеей единой христианской монархии, или «Третьего Рима». Это способствовало оформлению нового ядра с центром в Москве и новых периферий: Поволжья, Урала, Сибири, области казачьего войска [Ильин 1998].

Использование элементов геополитического анализа в исследовании генезиса России как государства-цивилизации позволяет территориально очертить ареал становления российской цивилизации. Если западные пределы ее расширения оказались ограничены экономическими факторами, обусловившими превращение России в периферию мировой капиталистической суперструктуры с центром в Западной Европе, то южные — сугубо военно-политическими, так как ее соседями являлись влиятельные империи исламского мира, Персия и Турция. Однако открытой оставалась возможность расширения государства и цивилизации на север и восток.

Литература

- Гумилев Л. Н. От Руси к России: очерки этнической истории. М.: ДиДик, 1994. 553 с.
- Ильин М. В. Этапы становления внутренней геополитики России и Украины // *Полис*. 1998. № 3. С. 82–94.
- Моро-Дефарж Ф. Введение в геополитику. М.: Конкорд, 1996. 148 с.
- Савицкий П. Н. Географический обзор России – Евразии // *Мир России – Евразия: Антология* / сост. Новиова Л. И., Сиземская И. Н. М.: Высш. шк., 1995. С. 219–232.
- Трепавлов В. В. Введение // *Российская много-*

национальная цивилизация: единство и противоречия // под ред. В. В. Трепавлова. М.: Наука, 2005. С. 5–20

- Трубачев О. Н. В поисках единства: взгляд филолога на проблему истоков Руси. 3-е изд. М.: Ихтиос, 2005. 227 с.
- Трубецкой Н. С. Общевразийский национализм // *Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн: Антология*. М.: Наука, 1993. С. 90–99.
- Vidal de La Blache P. États et nations de l'Europe autour de la France. Paris: Delagrave, 1889. 568 p.

References

- Gumilev L. N. [From Rus' to Russia: Essays on Ethnic History]. Moscow: DiDik, 1994. 553 p. (In Russ.)
- Ilyin M. V. Internal geopolitics of Russia and Ukraine: stages of formation. *Polis*. 1998. No 3. Pp. 82–94. (In Russ.)
- Moreau Defarges Ph. [Introduction to Geopolitics]. Moscow: Konkord, 1996. 148 p. (In Russ.)
- Savitsky P. N. Russia – Eurasia: geographic review. In: [Universe of Russia – Eurasia: Anthology]. Noviova L. I., Sizemskaya I. N. (comps.). Moscow: Vysshaya Shkola, 1995. Pp. 219–232. (In Russ.)

- Trepavlov V. V. Introduction. In: [Multinational Civilization of Russia: Unity and Controversies]. V. V. Trepavlov (ed.). Moscow: Nauka, 2005. Pp. 5–20. (In Russ.)
- Trubachev O. N. [In Search of Unity: a Philological Insight into the Historical Beginnings of Rus']. 3rd ed. Moscow: Ikhtios, 2005. 227 p. (In Russ.)
- Trubetskoy N. S. Pan-Eurasian nationalism. In: [Russia between Europe and Asia: the Temptation of Eurasianism. Anthology]. Moscow: Nauka, 1993. Pp. 90–99. (In Russ.)
- Vidal de La Blache P. [European States and Peoples Surrounding France]. Paris: Delagrave, 1889. 568 p. (In French)